

С. Н. Искюль

Пост-юбилейные размышления о книге английского историка

**(Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу.
1807–1814 гг. М.: РОССПЭН. 2012)¹**

Доминик Ливен назвал свою книгу «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 гг.», однако после прочтения книги английского историка остается впечатление, что все-таки не Россия, а «Александр I против Наполеона». Историки согласны с тем, что российский император заключил мир в 1807 г. только после того, как был разбит, но впоследствии и далее неоднократно выказывал себя непримиримым противником попыток заключения какого бы то ни было соглашения о мире с Наполеоном, упорно отстаивая это как дело принципа и старательно отменяя все прочие мнения. Повторяю, название книги представляется некоторым противоречием с ее содержанием. Таково впечатление; оно, может быть, не в полной мере относится ко всем главам, но оно таково. В остальном, в том, например, что касается хронологии, с автором можно согласиться, и его взгляд на войну 1812 г. как на составную часть коалиционных войн 1813–1814 гг., которые в России называли и продолжают называть до сих пор не вполне понятным названием «заграничных походов», представляется обоснованным, тем более что история 1812 г. без 1813–1814 гг. и в самом деле, может

¹ В сокращенном варианте текст опубликован в журнале «Российская история». 2013. № 6. С. 23–39.

быть, «теряет всякий смысл» (с. 49). В особенности же сказанное касается того существенного вклада, который по сравнению с другими державами внесли русские императорские армии, преодолевая неизбежные тяготы военных походов и преодолевая разного рода «трения» с союзниками, в общее дело антифранцузских коалиций 1813–1814 гг.

К достоинствам книги необходимо отнести в первую очередь богатство использованных автором документальных публикаций, среди которых не только известные многотомные сборники и воспоминания, опубликованные в прошлом и относительно недавно по-английски, по-немецки и по-французски, но и обширная литература, включая и исследования, вышедшие в свет на русском языке. Последнее обстоятельство и то, что Д. Ливен знаком с современной российской историографией, выгодно отличает книгу английского историка от многих прочих. Правда, цитируются в книге авторы не всегда по оригинальным изданиям; в некоторых случаях, особенно при обращении к мемуарам, автор предпочитает издания переводные, но это, скорее всего, не столь уж существенно. Критика некоторых авторов — предшественников Ливена присутствует в книге, при этом большей частью справедливая и обоснованная.

Для Ливена весьма характерно стремление к рассмотрению событий военной истории, так сказать, изнутри, и в этой связи необходимо отметить, что им удачно использованы многочисленные «Истории» различных полков русской армии, а также огромный биографический материал, почерпнутый из мемуарной литературы и органично вплетенный в канву повествования. Книга в изобилии снабжена всевозможными данными, касающимися комплектования тогдашних армий, производства и качества вооружения, сравнительных особенностей такого рода войск, как кавалерия, и технического оснащения армий. На это редко обращается внимание, между тем как такие данные помогают более рельефному восприятию картины боевых действий, а при описании некоторых эпизодов сражений лучше объясняют частный и общий успех или неудачу.

Сильной стороной представленной историком книги являются архивные источники, подавляющее большинство которых почерпнуто им из Российского государственного военно-исторического архива (Москва) (далее — РГВИА), где автор просматривал дела фондов Канцелярии Военного министерства, войны 1812 г. и последующих войн в Европе, Военно-Ученого архива, а также личные фонды. В ряде случаев ссылки на документы РГВИА служат дополнением не только к тем материалам, что были напечатаны в документальных сборниках на русском языке, но и к тем, что увидели свет в немецких и австрийских публикациях.

К положительным моментам, присутствующим в книге Д. Ливена, следует отнести и то, что он считает важным подчеркнуть вклад остзейских немцев в ход боевых действий и конечный успех России в войнах 1812–1814 гг. Этого в литературе уже давно не было по отчасти понятным, но едва ли не надуманным

причинам. Автор пишет о штабных офицерах, что и понятно, поскольку своей образованностью они большей частью превосходили природных русских, но и прочие офицеры-остзейцы неизменно отличались лучшими качествами офицерской касты. Разумеется, здесь сыграло свою очевидную роль происхождение автора, но достаточно и простого здравого, а главное подлинно исторического взгляда на вещи, чтобы согласиться с ним в том, что «без штабных офицеров нерусского происхождения Россия никогда не смогла бы одержать победу в кампаниях 1812–1814 гг. Более того, большинство этих людей были лояльны по отношению к российскому государству, а их семьи со временем становились частью российского общества» (с. 64). Добавим, что немецкое дворянство Остзейских губерний России с самого начала военных действий в 1812 г. и далее, вплоть до взятия Парижа, верой и правдой служило престолу и Отечеству. Одних только выходцев из Эстляндской губернии в русской армии насчитывалось 324 офицера, многие из которых были ранены и за свои подвиги многожды награждены орденами, а также золотым оружием за храбрость (*Wrangell G. Baltische Offiziere im Feldzuge von 1812. Reval: Franz Kluge, 1912. S. 4*). Воины-остзейцы, среди них такие блестящие офицеры русской армии, как графы Петр Петрович и его брат Павел Петрович фон дер Палены, бароны К. В. фон Будберг, К. Е. фон Врангель, Ф. В. фон Дризен, Г. фон Штаден, Т. фон Рюдигер и многие другие, всегда следовали принципам сословной чести и достоинства, никогда не ставя под сомнение безусловную необходимость следовать данной присяге на службе Отечеству, частью которого они себя всегда считали. Автор справедливо отмечает, что «почти что каждый пятый “русский” штабной офицер в сражении при Бородино даже не был подданным российского императора» (с. 63), но это не мешало всем им с честью исполнять свой долг. К слову сказать, военный министр и командующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де Толли, родившись в Риге, в 1812 г. уже не был шотландцем, а остзейским немцем, став полноправным представителем остзейского дворянства по окончании войны, в 1814 г.

Говоря о коалиционных войнах, предшествовавших 1812 г., в частности о войне 1807 г., автор высказывает убеждение в том, что «если бы для России была необходимость продолжать войну после Фридланда, нет никаких сомнений в том, что она была на это способна» (с. 88). Мысль любопытная, но отнюдь не бесспорная, ибо большинство источников, в первую очередь мемуарного и эпистолярного характера, сходятся на том, что, если бы кампания 1807 г. была продолжена, это привело бы к катастрофе: русская армия потерпела бы куда более серьезное поражение, чем при Фридланде, и ей пришлось бы спасаться бегством. Автор склонен далее считать, что «к тому времени Наполеон контролировал большую часть Западной и Центральной Европы и мог мобилизовать огромные ресурсы для войны против России» (с. 88). Возможно это и так, но в 1807 г. это едва ли входило в его планы, поскольку, довершив поражение Пруссии, уже тогда он стремился в первую очередь к заключению

мира и не случайно первый же зондаж русских был встречен благожелательно и имел далеко идущие последствия. В этом кроется и то, что «в конечном счете по условиям Тильзитского мира Александр получил большую часть того, что хотел» (с. 93), т.е. мир без каких бы то ни было территориальных уступок и репараций, а также сохранение Пруссии на географической карте Европы.

В своей книге Д. Ливен не раз касается вопросов, так или иначе связанных с причинами возникновения войны 1812 г. и ее продолжения за пределами России, но специально их не рассматривает, вместе с тем сосредоточивая свое внимание на противостоянии двух европейских империй — Франции и Великобритании, обладавшей «огромными территориальными приобретениями вне Европы, сделанными англичанами после 1793 г., не говоря уже об их растущей экономической мощи» (с. 151–152). В другом месте историк пишет: «Союзники и прежде всего Австрия стремились к чему-то вроде баланса сил в континентальной Европе. Наполеон же был приверженцем идеи создания в Европе французской империи или по крайней мере установления господства Франции» (с. 465). Историк согласен с тем, что впоследствии, когда война была перенесена из России в Европу, «континентальные державы-союзницы могли разделять приверженность Великобритании идее баланса сил, исходя из соображений собственной безопасности. Однако баланс сил на континенте означал, что прочие государства не могли бросить серьезный вызов английскому морскому и колониальному владычеству» (с. 581). Этот вызов могла бросить Англии Франция в союзе с Россией в эпоху Павла I, когда были прерваны торговые отношения с Великобританией. Известно, что Павел предлагал Первому консулу совершить вторжение на Британские острова, и союзные державы совместными усилиями выступили в защиту прав нейтральных государств в торговле на морях. При Александре I политика отца потеряла свою актуальность, хотя русско-французские переговоры и плодотворное сотрудничество в 1802–1803 гг. при совместном урегулировании германских дел (ср. с. 77) могли со временем принести свои плоды.

Для историка вполне очевидно, что «даже не выплачивая военную контрибуцию в 1807–1814 гг., Россия находилась в состоянии финансового кризиса», поскольку со второй половины XVIII в. десятилетиями «расходная статья государственного бюджета постоянно оказывалась выше доходной», а всё новые эмиссии бумажных ассигнаций привели в конце концов к тому, что «к 1812 г. стоимость бумажных денег Российской империи составляла лишь четверть от их “реальной” (в серебряном эквиваленте) ценности». Эта серьезнейшая проблема, естественно, провоцировала рост государственных расходов (с. 72–73), но ее решение путем проведения всегда непопулярных внутренних реформ сводилось к половинчатым мерам, ибо для российского императора внешняя политика всегда оставалась приоритетной. Тильзит дал Александру I возможность заняться наведением порядка в хозяйственной сфере, и «российский император тешил себя надеждой на то, что, если англичане полностью утратят

возможность торговли с континентом, и при этом выдвинутые Наполеоном условия будут умеренными, Лондон, возможно, пойдет на заключение мира». В самом деле «компромиссный мир, ограничивающий как британскую экспансию за пределами Европы, так и продвижение французов на континенте, идеально соответствовали бы интересам России». Автор пишет об этом, добавляя, что «радужные надежды Александра выглядели реалистичными и потому, что Тильзитский мир не обязывал Россию участвовать в военных действиях против Великобритании» (с. 94–95). Это представляется вполне очевидным, как и то, что эпоха франко-русского союза для царствования Александра I ознаменовалась несколькими более или менее продолжительными войнами и крупнейшими территориальными приобретениями Российской империи.

Говоря об общей ситуации перед войной 1812 г. и о подготовке Александра I к войне, Д. Ливен пишет о том, что военный министр представил императору записку о защите западных рубежей империи (с. 131), но почему-то вовсе не упоминает о таком факте, что дважды, в 1810 и в 1811 гг., Александр предполагал начать войну против Франции. Перед этим он лишь указывает, что «в сентябре 1810 г. <...> франко-русские отношения начали сползать к войне...» (с. 102), а в начале 1812 г. и так было ясно, что, «упустив все шансы нанести успешный и упреждающий удар» (с. 198), он вынужден был принять на вооружение иную стратегию. При этом автор считает, что Александр I «мог мириться со многими неудачами и скрывать свою досаду, но делал это потому, что имел перед собой конечную цель — мир в Европе, которой надеялся достичь, минуя серьезный кризис» (с. 102). Между тем, представляется, что в данном случае серьезным кризисом как раз и явилась бы русско-французская война, которую император дважды едва не начал перед 1812 г., принудив к совместным действиям и Пруссию. Уверенно можно предположить, что «Отечественной» она бы в таком случае не стала, превратившись в привычную коалиционную войну держав против Франции.

Но, останавливаясь на настойчивом стремлении Александра I присоединить к России Польшу, Д. Ливен пишет далее: «По-видимому, если бы его попытки установить контакт с поляками встретили радушный отклик, он мог бы обдумать возможность упредительного удара с целью захвата герцогства Варшавского и получения поддержки со стороны Пруссии, однако в российских дипломатических и военных архивах не сохранилось свидетельств подготовки наступательных операций 1810 и 1811 гг.» (с. 146). Странно, неужели автору неизвестно, что источники не только давно обнаружены, но столь же давно и опубликованы в материалах, собранных в томах авторитетного издания «Военно-ученого архива»?

Кстати об источниках. Автор знаком с письмом Александра I к своей матери, вдовствовавшей императрице Марии Феодоровне, перед Эрфуртским свиданием (с. 125–126), опубликованным Н. К. Шильдером еще в 1899 г. в журнале «Русская Старина», где император пишет «мы должны нарачивать свои

силы...», но в связи с этим он не акцентирует внимания на том факте, что уже осенью 1808 г., т.е. через год после Тильзита, для Александра I война с Францией была в ближайшей перспективе очевидной реальностью.

Памятником несостоявшейся наступательной войны против Франции предстают отданные в ожидании ратификации соглашения с прусским королем и перехода поляков Великого герцогства Варшавского на сторону России приказы Военного министерства России. Приказы были разосланы 24, 27 и 29 октября 1810 г. военным министром М. Б. Барклаем де Толли со ссылкой на Высочайшее повеление начальникам корпусов, дислоцированных на западной границе России генерал-лейтенантам П. Х. Витгенштейну, К. Ф. Багговуту, И. Н. фон Эссену 1-му и генералам от инфантерии П. И. Багратиону и Д. С. Дохтурову. Содержание приказов военный министр предписывал сохранять под «строжайшим и непроницаемым секретом», причем, с одной стороны, заверял командиров корпусов в том, что «нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», а с другой стороны, требовал держать вверенные им соединения в постоянной готовности к выступлению в поход; при этом они обязывались ждать условного известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о переходе прусских границ, что должно было послужить для них сигналом к выступлению в поход (Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб., 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315). Но попытка эта сорвалась, причем сорвалась и вследствие отказа прусского короля от ратификации царскопольско-прусских соглашений, и по причине того, что письма российского императора польскому «молодому» другу с предложением самой широкой автономии и либеральной конституции Польше не сыграли той роли, которая им предназначалась: противники поглощения Великого герцогства Варшавского Россией в лице в первую очередь князя Юзефа Понятовского постарались не только нейтрализовать их действие, но и уведомить о содержании писем Александра I французскую сторону через поверенного в делах Франции в Варшаве барона Л.-П. де Биньона.

Говоря о той же ситуации 1810 — начала 1812 г., Д. Ливен подробно останавливается на А. И. Чернышеве и его деятельности в Париже (с. 134, 136–138). Автор книги полагает, что «блестяще проведенные операции русской разведки» в Париже давали Александру I все основания ожидать нападения французов (с. 653). При этом следовало, вероятно, сказать, что Чернышев лишь воспользовался связями, завязанными еще российским поверенным в делах П. И. Убри, благодаря чему в короткие сроки было создано целое «бюро» по изготовлению извлечений из документов, составлявших государственную тайну. 300 тыс. франков — такова была сумма, выплаченная чиновникам Военного министерства Франции за выполненную работу и за ту, что еще предстояло сделать. Но с полничным были схвачены все, в том числе и швейцар российского посольства в Париже, у которого происходили свидания Чернышева

с чиновниками министерства. Все, кроме Чернышева, которому удалось ускользнуть и окольным путем достичь Рейна, миновав Майнц и Кёльн, куда уже посланы были повеления об его задержании.

В официальной ноте, продиктованной самим Наполеоном, но не врученной российскому послу в Париже, содержалась жалоба на действия Чернышева. «Его Величество глубоко огорчен действиями графа Чернышева, — говорилось в ноте. — Он с изумлением узнал, что человек, с которым всегда хорошо обходился, который проживал в Париже не в качестве политического агента, а как флигель-адъютант российского Императора, аккредитованный особым письмом состоять при особе Императора французов, имевший значение доверенного лица, более близкого, нежели посланник, воспользовался своим положением, употребляя во зло всё то, что считается самым священным. Его Величество льстит себя надеждой, что и Император Александр будет глубоко огорчен, когда усмотрит в поведении господина Чернышева роль агента, действующего путем преступного подкупа, каковое деяние и международным правом, и законами чести осуждается. Его Величество Император приносит жалобу в том, что при его особе, притом в мирное время, под званием, внушавшим доверие, содержали шпионов, что позволительно только по отношению к врагу и во время войны. Он приносит жалобу в том, что шпионы выбраны были не из низкого сословия общества, но среди тех людей, кои по своему положению близко стоят к Государю...» (*Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1868. T. 24. N 18 541*). Российский посол в Париже князь А. Б. Куракин был поставлен в известность о деле Чернышева, но, не придавая делу официального характера, Наполеон не стал упоминать о нем в переписке с Александром I. Дело было слишком щекотливым, чтобы хотя бы отчасти предавать его гласности и ставить союзника в неудобное положение.

Естественно, что такие «происшествия» не могли пройти бесследно и всеконечно способствовали росту подозрительности между союзниками и общему ухудшению взаимных их отношений. Совершенно естественно также, что и французская сторона пользовалась услугами платных или бесплатных, по убеждениям, осведомителей и шпионов. Сомнений в этом возникать не должно, но крупных провалов, подобно чернышевскому (а в случае с полковником А. И. Чернышевым налицо не только успех, но и крупный провал, поскольку не надо доказывать, что в такого рода делах важно не только осуществить порученное, но и замести следы), у французской разведки не было. Кроме того, возникает вопрос, следовало ли прилагать такие усилия к добыванию полного расписания французской армии, если в продолжение войны в России вплоть до вступления Великой армии в Москву в тактико-стратегическом отношении это никак не отразилось на действиях русской армии и не имело равным счетом никакого значения?

Касаясь важного военно-дипломатического сюжета о продолжавшейся к тому времени с 1806 г. войне с Турцией и о мире, подписанном в Бухаресте

(с. 149), следовало бы, в частности, сказать и о том важном обстоятельстве, что весьма ускорило его заключение, а именно о том, что во время переговоров М. И. Кутузов, склоняя турецких дипломатов к сотрудничеству, для пущей важности предъявил им талантливо изготовленное, вероятно, по его поручению, письмо Наполеона к Александру I, в котором шла речь о французских предложениях по разделу Турции между Францией и Россией. Об этом впервые упомянуто в фундаментальном труде о войне 1812 г., написанном личным секретарем Наполеона бароном Агатоном Фэном.

Важно отметить, что в преддверии войны в России Д. Ливен не упускает из виду такой существенный момент, как планы «сильной диверсии» в направлении Иллирии и Далмации силами Дунайской армии под командованием адмирала П. В. Чичагова, что явилось причиной его назначения не только командующим Дунайской армией, но и Черноморским флотом. Автор прав, когда пишет, что «эти планы таили двойную опасность: до того момента было сложно осуществлять контроль над наместником императора из Петербурга, да и сам император Александр I мог увлечься грандиозными замыслами». Но, «к счастью, турки, в конце концов, ратифицировали договор, и к русским вернулось здравомыслие» (с. 254).

Главы, раскрывающие содержание войны 1812 г. в России, включая и главу «Тыл в 1812 г.», написаны Д. Ливеном с большим знанием дела. Помимо описаний отступления, преследования, действий авангардов и арьергардов, попыток соединения обеих русских армий, взаимоотношений командующих и их штабных офицеров, многочисленных славных «дел», сражений, тягот походной жизни, незаурядного героизма и стойкости простых солдат, им приводятся самые различные факты, дополняющие уже известную картину внутренней жизни сословий русского общества. Конечно, он прав, когда пишет, что «ни один крестьянин не пошел в армию добровольно» и «прежде всего потому, что требовался беззаветный патриотизм для того, чтобы прослужить в армии двадцать пять лет при минимальных шансах получить унтер-офицерский чин» (с. 296). Известен, кстати сказать, один-единственный случай, когда крестьянин все-таки проявил «беззаветный патриотизм» и пошел добровольцем в армию. Это был дворовый человек смоленского помещика Павла Бельского Евтих Михеев, но из Дорогобужского рекрутского присутствия, куда он отлучился 22 июля 1812 г., не спросив позволения помещика, его тотчас препроводили в губернский город к городничему «для поступления с ним по законам» (*Щукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. М., 1903. Ч. 7. С. 53–54). В предыдущих главах автор упоминает о том, что «крестьянское население России оказалось на несколько месяцев “под французами” и почувствовало, что значит быть свободными от барщины и оброка» (с. 197–198), но не развивает далее эту любопытную тему войны в России. Историк не отрицает того факта, что русское дворянство в 1812 г. руководствовалось верноподданническими побуждениями, но справедливо указывает, что «имели место и многочисленные примеры

уклонения дворян от службы» (с. 303). Купечество же отнюдь не всегда «щедро жертвовало средства на военные нужды» (с. 301), ибо известны факты, когда в присутственных местах представители купеческого сословия записывали в соответствующие реестры крупные суммы денег, обязуясь их непременно внести на нужды армии, но потом, в 1813–1814 гг. их уже разыскивали «через полицию», и эти розыски далеко не всегда бывали успешны.

В главе «Бородино и падение Москвы» автор подробно останавливается на ошибках русского командования при создании оборонительных сооружений, на том, что укрепления на правом фланге «во многом оказались лишней тратой сил и времени», тем более что «ни флешы, ни редут Раевского не были возведены при участии офицеров инженерного корпуса» (с. 268). Подробно касается историк и собственно действий обеих сторон в генеральной битве. Он, в частности, склонен считать гибель генерала А. И. Кутайсова главной причиной, почему русская артиллерия при Бородине действовала не столь эффективно, как артиллерия противника (с. 277), т.е. предлагает вернуться к взгляду, который критиковал еще генерал-майор и военный историк Иван Петрович Липранди. Ливен также полагает, что известный кавалерийский маневр, предложенный в ходе боя главнокомандующему, был удачным и своевременным, склоняясь к официальной точке зрения, господствовавшей в историографии прошлого, а именно в трудах П. А. Жилина. Он так и пишет, имея в виду мнение Кутузова о действиях Ф. П. Уварова и М. И. Платова, высказанное им в день сражения: «Лишь много времени спустя русские пришли к пониманию, сколь много изменил этот маневр» (с. 278). Однако при изложении и оценке событий, последовавших за Бородинским сражением, Ливен справедливо подчеркивает то обстоятельство, что при оставлении Москвы Кутузов «беспокоился о том, чтобы разделить с другими часть ответственности за решение, которое не могло не вызвать сильного негодования и неодобрения» (с. 284). Это обстоятельство ранее зачастую замалчивалось, вопреки очевидным фактам.

Что же касается грандиозного пожара, то странно, что Д. Ливен обходит молчанием подробности организации этого действия в Москве, ограничившись лишь «сбалансированным» упоминанием о нем, возлагая вину за пожар на обе стороны и завершая свое рассмотрение таким пассажем для характеристики этого события: «Что имело значение в то время, так это утвердившееся мнение о том, что во всем виноват Наполеон и что уничтожение города явилось громадной жертвой со стороны патриотически настроенной части русского общества, в том числе в деле освобождения Европы» (с. 286–287, 315). Такое суждение представляется по меньшей мере странным после всего того, что известно из воспоминаний Наталии Нарышкиной, урожденной Ростопчиной, где описывается организация пожара Москвы генерал-губернатором Ф. В. Ростопчинным силами московской полиции.

В заключение автор делает вывод о причинах неудачи императора французов в России. Он считает, что «в 1812 г. Наполеон не сумел понять общество

и политику России и не воспользовался слабостями внутривосточного устройства страны» (с. 655). Но еще до этого автор сам пишет, что «для Наполеона кампания 1812 г. была кабинетной (?) войной, которая преследовала строго ограниченные политические цели» (с. 239), а говоря проще, Наполеон не собирался вмешиваться во внутренние дела своего недавнего союзника, отменяя крепостное право. Он не раз заявлял, что становиться «королем Жакерии» он ни при каких обстоятельствах был не намерен, и в этом отказе Наполеон всегда был последователен.

Главы, посвященные переносу военных действий за пределы Российской империи и коалиционным войнам 1813–1814 гг. в Европе, занимают у Д. Ливена чуть менее половины его большой книги. Картины дипломатических переговоров с целью заключения коалиционных соглашений до Плейвицкого перемирия и выработки единых условий мирного соглашения, которые предъявлялись французской стороне после того, как срок перемирия истек, перемежаются здесь с описанием военных действий. При этом роль Александра I была во многом определяющей как для дипломатических, так и для военных обстоятельств рассматриваемых событий, и он не остановился бы перед заменой Кутузова Л. Л. Беннигсеном, как он писал о том в одном из писем в Петербург, если бы главнокомандующий и далее продолжал считать, что русской армии в Европу ходить нет нужды. Более того Александр I отвергал все доводы в пользу ограниченного участия его армии в военных действиях и требовал от нее, напротив, полномасштабного участия в войне с тем, чтобы обе германские державы на деле присоединили свои силы к коалиции (с. 379). Более того, в заботах о привлечении союзников в коалицию, «сосредоточив всё внимание исключительно на разгроме Наполеона, Александр низводил политику России до уровня Османской империи и Персии и даже позволял принести в жертву исторические интересы России для того, чтобы задобрить австрийцев и англичан» (с. 375). Как подчеркивает Ливен в заключении к книге, «временами Александру приходилось почти что насильно тянуть их за собой, заставляя их послужить на благо собственным и европейским интересам» (с. 657). В первую очередь, разумеется, интересам собственным, и это следовало бы лишним раз подчеркнуть.

Так император поступал на протяжении всей кампании 1813 г., и автор прав, когда подчеркивает справедливость вывода о том, что «без Александра I Лейпцигское сражение было бы проиграно», и российский император наконец-то был вознагражден за ту катастрофу, что постигла его при Аустерлице (с. 573).

Та же политика, как показывает далее Д. Ливен, имела продолжение и в кампании во Франции. Автор прав, когда пишет: «Вовсе не выражая единодушный взгляд правящих кругов России, по ряду ключевых вопросов император оказывался в значительном меньшинстве» (с. 583), но тем настойчивее продолжал он оказывать влияние на текущие военно-дипломатические дела. Его не стесняло «с трудом подавляемое разочарование» со стороны лиц из его окружения.

В начале 1814 г. подобное чувство разочарования испытывали многие в лагере коалиции. Как подчеркивает историк, «Александр I казался им не просто властным человеком: они считали, что порой он движим сугубо личными и мелочными соображениями». Со ссылкой на впечатление лорда Р. С. Каслри Ливен пишет о некоей «рыцарственной тональности», в которой император склонен продолжать войну, поскольку, в отличие от всех политических и военных комбинаций, «кажется, ищет случая войти вместе со своей великолепной гвардией в неприятельскую столицу, — возможно, для того чтобы в силу свойственных ему милосердия и снисходительности явить тем самым контраст» по отношению к уничтожению Москвы (с. 585). По мнению Д. Ливена, «в 1814 г. Александр I часто позволял себе действовать под влиянием таких соображений, которые имели мало общего с интересами России», а «свою роль победителя и мирноносца он видел как личный апофеоз» (с. 585).

В главе «Падение Наполеона» автор пишет о том, что союзники были озабочены тем, чтобы самим французам была предоставлена возможность высказаться в пользу того или иного претендента на престол, а «два дня спустя Александру в разговоре с роялистски настроенным государственным деятелем пришлось признать, что общественная поддержка в пользу Реставрации была гораздо сильнее, чем он мог себе вообразить» и т.д. Так что уже 31 марта 1814 г. весьма искушенный в дипломатических делах К. В. Нессельроде вел переговоры с сохранявшим свое влияние Ш.-М. де Талейраном для того, чтобы «заручиться его поддержкой в деле свержения Наполеона и замены его правления устойчивым режимом — легитимным в глазах французов и стремящимся к мирному урегулированию» (с. 642). Представляется, что историку не было нужды лишний раз подчеркивать, что «выбирать предстояло самим французам» (с. 643). Вопрос о форме правления и претенденте на престол был решен уже давно и без их участия. Все эти разговоры о приемлемости республиканской формы правления или возможности вступления на французский престол шведского наследного принца были чистой воды кокетством, и правы были те парижане, которые в белых повязках на рукавах союзных военных (для того чтобы со стороны было понятно, кто есть кто) по недоразумению усмотрели вящее указание на то, чем они должны были руководствоваться (поскольку белый цвет — цвет лилий династии Бурбонов). В связи с этим автор пишет, что «лишь дезертирство из наполеоновской армии корпуса маршала Мармона положило конец сомнениям Александра и окончательно решило вопрос о реставрации монархии» (с. 644) и далее в пандан к этому: «Даже армия — главный оплот Наполеона, была раздираема противостоянием...» (с. 650). В данном случае говорить о дезертирстве корпуса не приходится, ибо, когда преданные Наполеону солдаты и офицеры, не знавшие, куда их ведут по приказанию маршала, оказались в расположении войск союзников, они едва не взбунтовались, и герцогу Рагузскому стоило немало усилий, чтобы сохранить строй и субординацию. Что касается того, что армия «была раздираема противостоянием»,

достаточно вспомнить 1815 г. и шествие Наполеона от залива Жуан до Парижа, которое произошло без единого выстрела, ибо «королевские» войска полк за полком переходили на его сторону. Там же автор пишет о том, что, покинув в 1815 г. остров Эльба, Наполеон якобы «пытался уничтожить результаты мирного урегулирования 1814 г.» (с. 650). Едва ли это соответствует действительности, поскольку сразу по прибытии в Тюильри, уже 4 апреля 1815 г., Наполеон обратился к иностранным государям с письмом, в котором признавал условия Парижского мира 1814 г.

Между прочим, следует, вероятно, заметить, что в ряде случаев автор слегка грешит против логики. Например, он пишет: «Однако свойственная ему (Александру I. — С. И.) временами манера в духе Вудро Вильсона провозглашать основополагающие принципы мирового порядка также коренилась в ощущении, столь же характерном для американцев...» (с. 78). Или такая фраза: «В своем стремлении к такому мировому порядку, в котором склонность к мирному сосуществованию и сотрудничеству имела большую ценность, при одновременном преследовании интересов своей страны, Александр проявлял не больше лицемерия, чем лидеры союзных стран, одержавших победу в Первой и Второй мировой войнах XX столетия» (с. 102). Или, например: «Подобно Эйзенхауэру он (Шварценберг. — С. И.) умел разряжать конфликтную ситуацию» (с. 470), или в битве под Лейпцигом «хотя и в меньшем масштабе, этот эпизод напоминает атаку тяжелой английской кавалерии на пехоту д'Эрлона на начальном этапе битвы при Ватерлоо» (с. 516), или: «То, что удалось сделать Блюхеру под Лейпцигом, очень напоминало то, чего он впоследствии добьется при Ватерлоо» (с. 554). Читатель согласится с тем, что обращаться к будущему во всех приведенных случаях отнюдь неправомерно, поскольку сравнение возможно лишь с тем, что уже было, а не с тем, что еще только будет...

Из частных моментов, порою всплывающих при чтении этой книги, обращает на себя внимание эпизод в связи с делом М. М. Сперанского. Автор пишет: «Поскольку Александр порой устраивал театральные представления, а на сей раз зрителем оказался достаточно глупый и впечатлительный немецкий профессор, можно рассматривать истерику императора как игру блестящего актера...» (с. 144). Говорить так о Георге Фридрихе Парроте, проректоре Дерптского университета, мог только человек, поверхностно знакомый с сюжетом и с фактом трогательной дружбы императора с выдающимся ученым.

Впрочем, отчасти это можно отнести на счет качества перевода. В ноябре 2012 г. автору этих строк довелось ознакомиться с переводом этой книги на французский язык. Перевод, который увидел свет в Edition des Syrtes, выполнен г-жой Антониной Рубишу-Стретц (Roubichou-Stretz). Сравнение перевода одних и тех же текстов на разные языки вполне правомерно, и мне представляется, что французский перевод книги Ливена много лучше ее перевода с английского на русский язык; во всяком случае он читается без особых трудностей, а это значит, что сложный авторский текст историка хорошо

отредактирован. В русском же переводе серьезной научной книги встречаются такие выражения, которые редактор не должен был пропустить. При характеристике личности Александра I переводчик допускает выражение «нервный человек» (с. 99), что отнюдь не верно, ибо в данном случае, скорее всего, имелся в виду человек нервный или излишне впечатлительный. Такие выражения, как «спихнуть ответственность» (с. 284), «самый волнительный период его жизни» (с. 446) или «Меттерних втирал союзникам очки» (с. 463) или «схлестнуться с основными силами коалиционной армии» (с. 608) едва ли, по моему мнению, могут присутствовать в серьезной книге по истории. Ведь естественно и по-русски правильно в этом и в любом другом случае употребление выражений «сложить ответственность», «волнующий», а также «вводил в заблуждение» и «сразиться». Непонятной остается фраза, как ни доискиваешься ее смысла: «Никто из них никогда не стрелял, будучи охвачен гневом» (с. 272) — это об ополченцах, присоединенных к русской армии перед сражением при Бородине. В переводе часто встречаются такие выражения, как «скарб» (с. 506, 507) вместо «обоз», «независимое боевое соединение» (с. 508) вместо «самостоятельное», или «вояки» (с. 522) вместо «воины». Недоумение вызывает такая фраза: «...отказ Ермолова ни в коей мере не был основан исключительно на ксенофобских и иррациональных чувствах» (с. 515). Задаешься вопросом, почему английское слово *the aggression* непременно надо переводить как агрессия, а не предприимчивость или энергичность (ср. «лишь у Блюхера имелся необходимый для победы запас агрессии...», с. 622). Отнюдь не может быть признан удовлетворительным перевод и такой фразы, где речь идет об историографии противостоявших друг другу в 1813–1814 гг. сторон: «...то, что произошло на самом деле, теряется в нестройном шуме французского и немецкого патриотизма и мачизма» (с. 623).

Общепризнано, что переводчику должна быть в общих чертах знакома эпоха и отдельные ее сюжеты, а обращение к словарям, в том числе и биографическим, в ряде случаев просто необходимо. Между тем в переводе книги Д. Ливена встречаются такие огрехи: «Эдмунд Бурке» (с. 113) вместо Эдмунда Бёрка, британского философа и публициста, и «Фабиус» (с. 138) вместо известного Фабия Максима Квинта — римского государственного деятеля и полководца, имевшего прозвище Кунктатор (Медлитель), которым часто наделяли М. И. Кутузова. Не следовало бы пренебрегать указанием титулов и имен всякий раз, когда в тексте встречались титулованные особы, например принц Евгений (Ойген) Вюртембергский, а не писать не слишком вразумительное: «В распоряжение Вюртембергского поступила большая часть его собственного 2-го корпуса...» (с. 502 и далее до 558).

Актуальное в юбилейном году издание на русском языке, вероятно, готовилось в спешном порядке, что отчасти объясняет наличие в нем грамматических и так называемых компьютерных ошибок, некоторые из которых особенно досадны, поскольку касаются источников: «РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3419. Л. 4i-ii» (с. 373).

Особо следует сказать об отдельных авторских обобщениях, которые вряд ли уместны, тем более что и смысл их не всегда ясен. Так, говоря о «польской» политике Франции и о том, что «военные демарши против России, как правило, оканчивались провалом» из-за «огромности» территории и богатства ресурсов, Ливен далее пишет: «Так было как в годы Первой мировой и “холодной” войн, обе из которых Россия проиграла в значительной мере из-за восстаний, поднятых нерусскими народами, но во многом и из-за самих русских...» (с. 240). Такого рода актуальные «сближения» не могут не вызвать возражений.

В заключение рискую вызвать на себя шквал критики, но мне лично представляется, что как таковой России не было нужды побеждать Наполеона в 1812–1814 гг.; это было жизненно необходимо именно Александру I, который, подписав Тильзитский мир, ни на мгновение не оставлял мысли о грядущем реванше: он потерпел поражение при Аустерлице, поражение позорное сугубо лично для него, но не потому, что он проиграл битву, а вследствие того, что после катастрофы началось паническое бегство, в ходе которого царь и его союзник Франц II потеряли из виду друг друга; для самого Александра в этом катастрофическом поражении особенно мучительным было то, что свой неприглядный облик, моральное и физическое состояние, включая рвоту и прочие желудочные проблемы, скрыть от окружавших его придворных ему не удалось ввиду полного упадка сил. Именно лицемерие и жажда реванша, а также «упрямая настойчивость, которую ничто не могло сломить» (с. 102) двигали всеми побуждениями и поступками императора до и после Тильзита. Именно это определило весь его последующий образ мыслей и действий, включая и попытки развязать войну уже в 1810 г. (т.е. еще до того, как Великая Армия на деле стала формироваться), а впоследствии и позу оскорбленного вторжением Наполеона в Россию, а также декларированную им «насущную необходимость подписания продолжительного и гарантированного мира», но непременно в Париже. Император французов, как справедливо пишет Д. Ливен, «возможно, и размышлял о том, чтобы стереть Пруссию» с лица земли в 1806–1807 гг., но в 1812 г. «он полагал, что уничтожение Российской империи не было ни в его силах, ни в его интересах» (с. 294). Поэтому, добавим уже от себя, после вторжения в Россию он не раз обнаруживал намерение начать переговоры о мире. В главе «Тыл в 1812 г.» автор констатирует: «Вовсе не желая свергать Александра с трона или погружать Россию в пучину революции и хаоса, Наполеон хотел, чтобы император согласился на условия мира и затем сделал их обязательными для русского общества. Отчасти по этой причине он в ходе кампании 1812 г. подчеркивал свое уважение к Александру и выставлял напоказ свое видение событий, согласно которому истинным поджигателем войны была Великобритания и ее тайные агенты в кругах петербургской знати» (с. 294).

При встрече с пленным генералом П. А. Тучковым, которому была возвращена шпага, Наполеон недвусмысленно дал понять, что с его стороны дорога к переговорам открыта; сказанное подтверждают и письма императора,

посланные в Петербург из Москвы при посредстве генерал-майора И. А. Тутолмина и отца Герцена И. А. Яковлева. Король Неаполитанский также делал шаги к завязыванию переговоров, благодаря чему, собственно, и удалось установить, а затем и продлить своего рода перемирие перед вступлением французов в Москву с тем, чтобы не препятствовать вывозу обозов с имуществом и москвичам, собиравшимся покинуть столицу. Известное свидание М. И. Кутузова с графом Ж.-А. Лористоном и другие французские мирные инициативы явились логическим продолжением стремления положить конец войне, а может быть, и восстановить отношения на новой основе. Всё это могло найти свое отражение в книге Д. Ливена, но историк предпочел предложить читателю весьма любопытный, своего рода, если можно так выразиться, новый европейский взгляд на события 1807–1814 гг.

Книга английского историка представляется заметным явлением в историографии. Ей едва ли не суждено привлечь внимание специалистов, занимающихся изучением общих и частных сюжетов выдающейся своими военно-дипломатическими свершениями эпохи. Обращение к исследованию всех тех коллизий александровского времени, которые, не получив должного освещения, в том числе и в книге Д. Ливена, нуждаются в поиске новых источников и критическом их освещении, надо полагать, может способствовать преодолению стереотипов и поиску новых решений вопросов военной истории, составляющих канву 1807–1814 гг. Представленный выше частный взгляд, отразивший отдельные существенные «моменты» интерпретаций английского историка, также, как надеется автор, обратит на себя внимание не только специалистов, но и всех тех, кто с интересом читает старые и новые книги по отечественной истории.